

Герой не нашего времени

О последнем месяце жизни великого поэта - из воспоминаний человека, связанного с Сумами

В НАШЕВРЕМЯННОМ году исполнилось 175 лет со дня смерти великого поэта, прозаика и драматурга Михаила Лермонтова, а 15 октября был день рождения Поэта, которого хладнокровно застрелили на дуэли в 26 лет...

Так случилось, что человек, живший и общавшийся с Лермонтовым в последний месяц его жизни - Петр Магденко (в 1841 г. он был корнетом Борисоглебского уланского полка и проходил службу на Кавказе), - имеет отношение к Сумам. Наш современник, сумчанин Юрий Кочи, его дальний родственник, спустя столетия проследил историю своего рода и рассказал о предках в книге «Герои не нашего времени», которая была издана в 2011 году. Сегодня мы предлагаем читателям ВШ ее фрагменты, связанные с гибелью Михаила Лермонтова.

Случай на миллион

В жизни подобные эпизоды случаются только один раз. Молодому корнету Петру Магденко представился как раз такой случай. Он закончил и затем описал, казалось, небольшой и малозначимый эпизод из жизни случайного человека, каковым был для него тогда Михаил Лермонтов...

Летом 1841 года 24-летний Петр Магденко встретил на пути из Ставрополя в Тифлис (через Пятигорск) двух офицеров - поручика Тенгизского полка Лермонтова и капитана Нижегородского драгунского полка Столыпина. И даже дважды, Первый раз - в Ставропольской гостинице, и Магденко дает довольно точный портрет поэта: «Он был среднего роста, с некрасивыми, но несколько поразившими каждого, симпатичными чертами, широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широкой костью всего остова, немного сутуловатый - словом, то, что называется сбитый человек».

Думаю, на тот момент корнет не имел представления о Лермонтове как о поэте. Но знал о нем как о человеке, который «за разные проказы» переведен в Тенгизский полк, на Кавказ. О проказах Лермонтова нам кое-что известно. Это и «вольгудное» стихотворение «На смерть Поэта», написанное буквально по горячим следам после дуэли Пушкина и Дантеса. И дуэль с сыном французского посланника. Государи был страшно разгневан случившимся, так как обложен с Францией только налаживалось, а пустяжная дуэль могла привести к серьезным осложнениям на дипломатическом уровне...

Жреби брошен...

В крепости Георгиевск пути Магденко с Лермонтовым и Столыпинам должны были разойтись. Последние намеревались ехать на Моздок и Кизляр-Шуру (около двух недель пути). А Магденко - свернуть на юг к Тифлису, где был Пятигорск. Лермонтов, несмотря на предостережения смотрителя о возможных опасностях (бухвалы полагая перед их приездом в семи верстах от «Г» был зарезан черкесами провозной унтер-офицер), хотел продолжить путь. Магденко вспоминает: «Я со своей стороны тоже стал утверждать лучше подождать завтрашнего дня, утверждая что-то вроде того, что лучше уж приберечь храбрость на время

какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с личными разбойниками». Но только начавшийся проливной дождь изменил их намерения, и они остановились на ночлег.

Столыпин и отведая кадетского вина, разговорились. «Они распрашивали меня о цели моей поездки... - вспоминает Магденко. - Я утверждал, что не понимаю влечения к трудностям боевой жизни, и противопоставлял ей удовольствия, которые ожидаю от кратковременного пребывания в Пятигорске, в хорошей квартире, с удобствами жизни и разными заботами, которые мне в отряде доступны не будут».

Мог ли Магденко в доверительном разговоре повлиять на ход событий? Нам неизвестно. Но к утру планы участников изменились. Магденко вспоминает: «На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпинам сидели уже за самоаромом, обратился к последнему, сказал: «Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилин (он назвал еще несколько имен); поедем в Пятигорск». Столыпин отвечал, что это невозможно. «Почему», - быстро спросил Лермонтов, - там командует старый Ильинский и являясь к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск... Вот послушай, бросаю полтину, если упадет вверх орлом - едем в отряд; если решетки - едем в Пятигорск. Согласен?»

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен и к нашим ногам упал решетки вверх... Лошадь была подана. Я пригласил слушавшего в свою колеску, Лермонтов и я сидели на задней скамье. Столыпин и я молчали, Лермонтов говорил почти без умолку и все время был в каком-то возбужденном состоянии... До трагической фатальной дуэли оставалось чуть больше месяца.

Заканчиваются «Воспоминания» приездом в Пятигорск: «Промочившись до костей, приехали мы в Пятигорск и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через 20 в мой номер явились Столыпин и Лермонтов. Потрянув рукой от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: «Веди и Мартышка, Мартышка здесь, я сказал Найтаки, чтоб прислали за ними. Именно этим Лермонтов прительски называл своего старинного хорошего знакомого... Я познакомился в Пятигорске со всеми людьми, бывавшими у Лермонтова, но ведь о печальной кончине нагнала меня уже вне Пятигорска».

Кто такой был «Мартышка», Столыпину объяснить не надо. Еще со времен учебы в Школе кавалерийских юнкеров так звали красавца Мартынова. Было прозвище и у Михаила Юрьевича. Его называли Машкой. Это слегка переиначенное имя горбуна из популярного французского романа. Впоследствии Мартынов объяснил это прозвище тем, что Лермонтов, по его мнению, был некрасив собой, душно сложен, нездоровым ростом и плохо смотрелся на кавалерийской лошади. Так сложилось, что, начиная со времени учебы... судьбы Лермонтова и Мартынова много раз пересекались.

Итак, прибыл со Столыпинам и Магденко в Пятигорск, Лермонтов первым делом вспоминает о Мартынове и велит (хозяйну гостиницы) послать за ним. Думаю, он даже рад предстоящей встрече... Скорее всего, ее целью было узнать пятигорские новости, как позволяют старые приятели...

Как человек он был несносен

Между Лермонтовым и Мартыновым было много противоречий, но все же основная причина конфликта,

приведшего к дуэли, - факт постоянного шажирования, а точнее, довольно едких карикатур, объектом которых был самовлюбленный красавец Мартынов со своим экстравагантным видом и кличкой «горяц с длинным хвостом».

Константин Любомирский в своем письме к друзьям довольно точно описал Мартынова, увидев его в Пятигорске: «Он носил азиатский костюм, за поясом пистолет, через плечо на земле плет, принесу «каля мурья» и французские бабенбарды с козылным подбородком. Говорит, что Лермонтов по-приятельски несколько раз оказывал ему, как он смешан в этом шутовском виде, и советовал сбросить с себя эту дурь, наконец, нарисовал его в сиднем положении, державшего обемки руками, нарисовал его в сиднем положении, державшего обемки руками за ручки локонка и обильно шажившего в любви, придав корпусу то положение или выражение, которое получал он при испрошении...»

Дело в том, что офицеры, давно ступившие на Кавказе... всегда подсмеивались и не одобрили тех русских, которые старались подражать казакским брили головы, носили их кустом, переиначили ухватки. Даже старались говорить по-татарски, коверкая речь... А Мартынов в этом кругу подражателей был, несомненно, самой яркой фигурой. Он же и оказался наиболее приемлемой личностью для подобных насмешек.

Едкие карикатуры можно было бы стерпеть. Но от кого исходили эти насмешки? Поручик-одиночкин, «хромоногий» наездник и язад. Поэт, вечно путающийся под ногами и сосланный на Кавказ за какие-то стихи и дуэльные штучки...

Близкий друг (по линии матери) И.Арсеньева пишет: «Одаренный от природы блестящими способностями и редким умом, Лермонтов любил проявлять свой ум, свою находчивость в насмешках над окружающими его средой и коллегами, часто очень меткими остроумными остротами иногда людей. С таким характером, с такими наклонностями... он вступил в жизнь и, понемногу, толчком же нашел себе много врагов. Как Поэт Лермонтов возмущался до гениальности, но как человек он был несносен».

Язык мой - враг мой!

Основное занятие столыпинских отрядов и местных офицеров, «елашчицы» на волжеских горах Пятигорска днем - конные прогулки в горы, лыжи, вечером - карты, танцы, ухаживание за женщинами в салоне генеральши Е.И.Мерляин или в доме супруги генерала П.С.Верзилина, гдеเสมอ все время заправляли три его дочери. Старшей из них - красавице Эмили - звали внимания в равной степени оказывали и наши герои - Лермонтов и Мартынов. И все же не Эмили Верзилина являлась причиной, чтобы влезть за пистолетом...

Последняя конфликтная ситуация, а точнее сказать, банальная ссора между Лермонтовым и Мартыновым произошла в доме Верзилиных 13 июля. Верзилины, как обычно, устроили танцевальный вечер. За ролью сидел князь Трубецкой... Сестра Эмили Верзилиной - Надежда - стояла рядом с рольем. Там же находился Николай Мартынов, лобозно разговаривавший с ней.

Эмили Верзилина вспоминает: «Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «горяц с большим хвостом». Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово «хвостом» раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкали гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить

сами шутки при дамах...» - так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой - враг мой!» Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями».

Танцы продолжались, и я думала, что тем закончилась вся ссора. Позже рассказывали мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь за это?» Мартынов ответил решительно: «Да!» И тут же назначил день».

Идти до конца

Дуэль состоялась вечером 15 июля 1841 года. Секундантами были друг Лермонтова корнет лейб-гвардии канского полка Михаил Глебов и 22-летний баловень судьбы (тайный недруг Лермонтова), молодой князь Александр Васильчиков... Аристократы после дуэли, они свидетельствовали: «Это место стоит на расстоянии от города Пятигорска верстах в четырех на левой стороне горы Мошухи...» Условия дуэли были крайне жесткими - их разрабатывал князь Васильчиков, которому, несмотря на молодость, уже приходилось быть секундантом. Расстояние между барьерами (место, подходе к которому дуэлянт имел право стрелять) было всего 15 шагов. Следовало лезть серьезной дуэли, промахнувшись с такого расстояния было почти невозможно. Кроме того, стрелялись из крайне «убойных» крупнокалиберных немецких пистолетов системы «Кухенрейтер»...

Лермонтов хорошо понимал, что он в какой-то мере виноват перед Мартыновым за свои колкости, шутки и карикатуры, но нетипичный кодекс чести не позволил ему унизиться до извинений, которые могли быть истолкованы как трусость. В принципе Лермонтов, несмотря на сложность характера, не был злым человеком и наверняка не желал смерти Мартынова.

Единственное, что Лермонтов мог сделать в такой ситуации, - это отказаться от своего права на выстрел. Об этом он сказал секундантам Глебову и Васильчикову. Мартынов хорошо знал, что Лермонтов стрелять не будет, и потому мог бы поступить так же. Два выстрела дуэлянтов в воздух или в сторону гор - и спор мог бы быть исчерпан.

Думаю, несмотря на свою импозитность, бравый вид отчаянного хвастаца и принятое решение о вызове соперника на дуэль, в душе у Мартынова тоже были сомнения. Но... аристократы из салона Мерляин, куда в душе принадлежал себе и Мартынов, не просили бы ему этой слабости. Шаг был сделан, и общество, хваставшее помалочку, требовало идти до конца. Принимать было немало, острый язык Лермонтова коснулся многих из них, и потому пятигорские «стрельбы» были вовсе не прочь, что бы Мартынов проучил «подвинутого гадина».

О таланте поэта и вообще о человеке никто не вспоминал, одумались (опять же не все) только тогда, когда близ Машухи была пролита кровь.

Невосполнимая потеря...

17 июля 1841 года, в день похорон начальника штаба Александр Семенович Траскин пишет письмо своему начальнику - командующему войсками на кавказской линии и Черномории П.Х.Губе. Это не рапорт, а именно доверительное личное письмо по-французски в качестве дополнения к официальному рапорту пятигорского команданта, полковника Ильинского. Это письмо является, по сути, единственным объективным свидетельством о дуэли хорошо осведом-

ленного о ее подробностях человека: «...Лермонтов убит на дуэли с Мартыновым, бывшим казаким Гребенсковым... Принимая их ссоры узнали только после дуэли, за несколько часов их видели вместе, и никто не подозревал, что они собираются драться. Лермонтов уже давно смеялся над Мартыновым в присутствии дам. Выходя, Мартынов сказал ему, что заставит его замолчать. Лермонтов ему ответил, что не боится угроз и готов дать ему удовлетворение, если он вызовет себя оскорбленным. Отсюда вытекает с его стороны Мартынова. Секундантами, которых они избрали, не смогли уладить дело, несмотря на все предпринятые ими усилия; они обиделись драться без секундантов. Их раздражение заставляет думать, что у них были и другие обиды. Они дрались на расстоянии, которое секунданты с 15 условных шагов увеличивали до 20. К барьеру они подошли одновременно, Мартынов выстрелил первым, и Лермонтов упал. Пуля пробила тело справа налево и прошла через сердце. Он жил только 5 минут и не успел произнести ни одного слова... Похороны М.Ю.Лермонтова состоялись 17 июля. Они были торжественными и необычайно многочисленными. Казалось бы, весь Пятигорск пришел отдать последние почести Поэту. Дамы были в трауре. Гроб несли на руках до самого кладбища».

Весь об убийстве Лермонтова на дуэли с Мартыновым дошло до Москвы и Петербурга спустя месяц - в августе 1841 года. Официальные власти старались не афишировать не только причину дуэли, но и факт смерти. Пресса тоже молчала... Но в молчанку долго играть не пришлось.

Большинство порядочных и просвещенных людей понимало, что смерть Лермонтова (по сути, совсем еще молодого, но успевшего ярко раскрыть свой талант) - это горькая и невосполнимая потеря для всего общества. И никакие рассуждения об обиде не могут оправдать его хладнокровного убийцы - Мартынова.

Озвучившись с рапортом команданта Пятигорска и служебным письмом начальнику штаба Траскина о случившейся трагедии, генерал Гребенский пишет последнему: «Несчастная судьба нас, русских. Только являясь между нами человек с талантом - держать послыхая преследуют его до смерти».

Легендарный герой Отечественной войны 1812 года, главнокомандующий войска на Кавказе генерал А.П.Ермолов по поводу предательского (по некоторым данным, Лермонтов стрелял в воздух. - Ю.К.) убийства Лермонтова, которого знал лично, такое говорит: «Уж я бы не спустил этому Мартынову... Можно позволить себе убить всякого другого человека, будь он вельможа или знатный таков завтра будет мертв, а эти люди не скоро дождешься!»

Возможно, слова Ермолова звучат по-солдатски, слишком прямо, жестко, но по всему видно; таков, как Лермонтов, не скоро дождешься...

Юрий Кочи

P.S. Впервые имя полтавского помещика Петра Ивановича Магденко Ю.Кочи стало известно после прочтения рукописей «Воспоминаний» графини Елизаветы Иполитовны Калпич. Писались воспоминания в эмиграции (1929 г.) и были преданы печати любимой внучке Миме - Елизавете Траскиной (1909-2000). Отец Мимы - Василий Траскин (1876-1942) - умер во Франции и был внуком племянником Ильи Траскина (1851-1925), бывшего около 30 лет председателем дворянства Сумского уезда (до 1917 года). А дед Елизаветы Иполитовны - Магденко Василий Иванович - был родным братом Петра Ивановича Магденко.